

Отзыв официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук Суржиковой Натальи Викторовны «Военный плен в российской провинции (1914 – 1922 гг.)».

Рецензируемая работа представляет собой оригинальное исследование одной из важнейших, но в течение длительного времени недооценивавшегося исследователями проблемы – плена в условиях Первой мировой и гражданской войн. Для работы характерен широкий, панорамный подход к изучаемому материалу. Плен, с одной стороны, рассматривается как специфический феномен со свойственными ему институциональными признаками и практиками, с другой – как фактор социально-экономической и политической эволюции социума, частью которого он стал. Плен показан и как объект социально-политического и экономического воздействия со стороны российских властных и общественных структур, и как самостоятельный субъект социально-политического процесса, влиявший на состояние российского общества.

Структура работы хорошо продумана, что позволяет дать всеобъемлющую характеристику исследуемого феномена. Посвятив первую главу историографическим и источниковедческим аспектам исследования, автор подробно представляет «внешнюю» сторону плена – его географические и количественные характеристики, от которых переходит к «внутренним» аспектам – экономическим и социально-политическим, а завершающий раздел работы «Плен как проблема освобождения узников войны» посвящает освобождению военнопленных и влиянию на него гражданской войны в России.

В содержательном анализе советской историографии проблемы автор справедливо отмечает, что, несмотря на очевидную идеологизированность работ на эту тему, ее исследователям удалось обнаружить значительный объем фактических данных, представляющих немалый интерес и сегодня. Однако, стоит согласиться с Н.В. Суржиковой, плен так и не стал

для советских историков самостоятельным сюжетом для изучения. Лишь в постсоветское время, вероятно, не без влияния зарубежных работ на эту тему, отечественные авторы предприняли ряд крупных исследований, посвященных плену периода Первой мировой войны. Можно также предположить, что известную роль в актуализации этой проблематики сыграл и заметно усилившийся в нашей стране на рубеже 1980 – 1990 - х гг. общественный и профессиональный интерес к плену эпохи Второй мировой войны.

Анализируя обширную зарубежную историографию вопроса, Н.В. Суржикова указывает на сильные стороны иностранных исследований плена: широкое использование сравнительного анализа, антропологического подхода, взгляда на него, прежде всего как на совокупность состояний индивидуумов и коллективов. Диссертант дает подробную характеристику использованных источников, которые, в массе своей, используются впервые. В работе нашли применение материалы из 13 центральных и региональных архивохранилищ Пермского края, Свердловской и Челябинской областей.

Наряду с источниками, содержащими информацию, непосредственно освещающую предмет исследования, т.е., комплекс социальных практик, связанных с российским пленом 1914-1922 гг., Н.В. Суржикова широко использует источники, характеризующие, если так можно выразиться, *внешние* рамки плена: материалы международного права и международных соглашений касательно пленных, внутрироссийского законодательства и подзаконных актов, общегосударственного и локального значения. Используются также свыше 30 региональных и центральных периодических изданий, включая «Утро России», «Новое время» и «Петроградские ведомости».

Однако наиболее значимой для исследования оказалась делопроизводственная документация, дающая наиболее содержательную и наименее ангажированную характеристику плена. Стоит подчеркнуть, что при

всех достоинствах такого рода источников, они очень сложны в использовании, так как, по определению, мозаичны и требуют больших усилий, чтобы сложить цельную картину. Несмотря на все эти объективные трудности, Н.В. Суржикова с успехом справилась с решением нелегкой задачи.

Во второй главе, «Военный плен на Среднем Урале в 1914 – 1922 гг.: статистико-географические и структурно-качественные характеристики», автор выявляет «пространственно-статистические» измерения плена. Прежде всего, она указывает на заметный рост численности пленных на Среднем Урале, от 12 тысяч в мае 1915 г. до 100 тыс. к лету 1918 г., после чего их количество стало сокращаться. Источник этого роста Н.В. Суржикова видит в приближении пленных к местам использования их рабочих рук, способствовавшей децентрализации плена и усилению его неоднородности.

Анализируя этнический и конфессиональный состав военнопленных на Урале, Н.В. Суржикова приходит к обоснованному выводу о том, что лишь меньшинство из них принадлежало к народам с тем или иным основанием могущим рассматриваться как «дружественные». Славяне составляли среди них немногим более четверти, более половины были католиками. В силу этого, как представляется автору, пленные, взятые в целом, оставались для местного населения чужими.

Властями они воспринимались, прежде всего, как экономический ресурс, источник дополнительных рабочих рук. Н.В. Суржикова приходит к очень важному в историографическом плане заключению о том, что широко распространенный тезис о запоздалом и более скромном, чем в Германии применении труда военнопленных в России, стоит считать «как минимум поверхностным».

Вместе с тем структуру анализируемой главы трудно признать оптимальной. Представляется, что было бы логичнее переставить третий параграф «Контроль, подчинение и управление в пространстве плена» – на первое место, начав ее с характеристики планов властей и управленче-

ских практик и уже от этого перейти к характеристикам использования пленных в процессе производства и обеспечения их жизненно важных нужд.

В работе убедительно показано, как дефицит и запаздывание общегосударственных нормативных материалов, способствовал принятию соответствующих решений на локальном уровне. Результатом становилась ситуация, при которой инициативы локальных администраторов работали не на укрепление, а на разрушение единообразия в системе государственного управления.

Автор отмечает что, несмотря на низкую производительность труда военнопленных, их вовлечение в промышленное производство оказалось для предпринимателей экономически оправданным в силу экономии на оплате их труда, так как все расходы на содержание рабочей силы списывались на ее же счет. Несколько иначе эта ситуация выглядела в сельском хозяйстве, где крестьяне получали работников за плату и ее повышение делало применение труда военнопленных обременительным для сельскохозяйственных производителей. В любом случае, доказывает Н.В. Суржикова, использование военнопленных оказывалось экономически малоэффективным и имело смысл лишь при «хищнической эксплуатации» последних.

Важнейшим элементом такой эксплуатации выступала постоянная экономия на снабжении продовольствием, одеждой, обувью, жилищном и медицинском обеспечении пленных. По образному выражению автора, «потребление пленными всяческих благ и услуг постепенно деволюционировало из лимитированное в деградированное». Кстати, исходя из проведенного автором исследования экономической составляющей российского плена, так уж ли неправ американский историк Пастор, увидевший в лагерях военнопленных периода Первой мировой войны прообраз и Гулага, и нацистских концлагерей?

В четвертой главе диссертант исследует попытки политического воздействия на военнопленных через апелляцию к их этноконфессиональным и социальным идентичностям. Наталья Викторовна констатирует провал этих попыток, ссылаясь на то, что наиболее успешный результат усилий в этом направлении – создание Чехословацкого корпуса – был обусловлен не столько деятельностью российских военных, сколько активностью чешских и словацких организаций в России. С этим утверждением трудно не согласиться, однако сам факт ведущей роли гражданских лиц в такого рода деятельности, едва ли может рассматриваться как свидетельство ее неэффективности. Другое дело, что идею создать привилегированные условия для «дружественных» пленным оказалось слишком сложно реализовать на практике, и это, безусловно, снизило потенциальные возможности воздействия на политические ориентации оказавшихся в плену.

Впрочем, по мнению автора, большевистская апелляция к *социальной* идентичности, несмотря на их большую последовательность, также оказалась неэффективной. В конечном итоге, и дореволюционная пропаганда с ее националистическими мотивами и выдержанная в духе интернационализма пропаганда большевиков опирались на один и тот же принцип «разделяй и властвуй». Представляется, что само положение военнопленных и постоянное ухудшение условий их пребывания в России объективно препятствовало успеху целенаправленной политической манипуляции их социально-политическими привязанностями.

Как показывает автор, пленные, без Родины, привычного окружения, профессиональных занятий, родных и близких оказались в положении абсолютных маргиналов, с одной стороны, создающих собственный мир, а с другой – по необходимости участвующих в жизни местного сообщества. Вместе с тем, интегральной его частью пленные так и не стали, оставшись, в целом, олицетворением «чужого», пусть даже на время ставшего привычным. Можно согласиться, что эта, как пишет диссертант «недовстроенность» в российскую действительность сыграла особую, за-

частую – роковую, роль в жизни тех, кто остался в России и в итоге оказался жертвой репрессий.

В пятой главе анализируются проблемы, связанные с освобождением военнопленных. Характеризуя политику большевиков в данном вопросе, Н.В. Суржикова подчеркивает, что, продекларировав освобождение пленных, новая власть оказалась не в состоянии ни обеспечить их элементарное выживание, ни их репатриацию. Что касается колчаковского правительства, то оно ориентировалось на ужесточение плена, через неременное содержание военнопленных в лагерях, принудительный труд и усиление роли военной администрации в управлении пленными. Эта политика естественным образом настраивала последних в пользу большевиков и способствовала поражению их противников.

Подводя итоги исследования, диссертант справедливо отмечает значительную роль плена и военнопленных в российской действительности периода Первой мировой и гражданской войны. Будучи сам по себе, по определению, нестабильным, плен оказал дестабилизирующее воздействие и на все российское общество. В качестве важнейшей стороны этой дестабилизации автор справедливо указывает на узурпацию местными властями функций по регламентации плена, что на практике способствовало ослаблению центральной власти, как в условиях Первой мировой войны, так и в ходе революции и гражданской войны.

Завершая характеристику работы, стоит еще раз подчеркнуть оригинальность и основательность авторских реконструкций и выводов. Вместе с тем, как представляется, она не свободна от определенных недостатков, главным образом связанных с недостаточной контекстуализацией исследуемой проблематики.

Различные качественные, и тем более количественные, характеристики плена выглядели бы более ярко в сопоставлении с аналогичными данными, характеризующими плен в других странах. Особенно интересно было бы, на мой взгляд, сопоставить значение плена и военнопленных в

процессе социально-политической эволюции европейских обществ той эпохи. Это позволило бы точнее оценить соотношение общего и особенно-го в истории России 1910 – 1920 – х гг. и способствовало бы выяснению степени влияния Первой мировой войны на ее последующее развитие.

Хотелось бы также получить более ясное представление о разработке и содержании общегосударственных нормативных актов, относительно плена, а также и отношении к нему в российском обществе в условиях Первой мировой войны. Выделяя важные нюансы в подходе к плену у противников по гражданской войне, автор, к сожалению, не стал подробно останавливаться на этой проблематике применительно к предшествующему периоду. В частности, осталось неясным, как различные российские политические силы относились к плену до начала революционных событий, какие варианты решения связанных с ним вопросов предлагали. Отдавая себе отчет в сложности решения такой задачи, заодно хотелось бы попенять на отсутствие подробных характеристик политических симпатий и антипатий самих пленных и влияния на них политической борьбы в России в 1915 – 1917 гг.

Делая вышеуказанные замечания, оппонент охотно признает: они касаются не столько того, что в диссертации есть, сколько того, что в ней отсутствует, и выступают скорее как пожелания, чем как негативные характеристики. Н.В. Суржикова проделал большую работу, собрав огромное количество материала, прежде всего архивного, и представив на основе разрозненных свидетельств цельную и содержательную картину плена в условиях Первой мировой и гражданской войн.

Таким образом, в диссертации Н.В. Суржиковой «Военный плен в российской провинции (1914 – 1922 гг.)» на основе выполненного автором оригинального исследования дан всесторонний анализ изученного феномена, который можно рассматривать как научное достижение. Результаты работы с достаточной полнотой представлены в опубликованных работах, в том числе в монографии «Военный плен в российской провинции (1914 –

1922 г.) М.: РОССПЭН, 2014. Выводы автора основаны на весьма широком круге источников, изложены соответствующим академическим нормам языком. Результаты авторских изысканий могут найти широкое применение в образовательном процессе, музейной деятельности, при разработке проблем отечественной истории периода Первой мировой и гражданской войны, а также революции 1917 г., как на общероссийском, так и на региональном уровне. Содержание автореферата адекватно отражает основные положения диссертации.

Диссертация полностью соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 г. Соискатель – Наталья Викторовна Суржикова – заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент
доктор исторических наук,
профессор кафедры новейшей
истории России ФГБОУ «Пермский
государственный национальный
исследовательский университет»

Михаил Николаевич
Лукьянов

10 ноября 2015 г.

Адрес: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел. +7(912)497-93-54

E-mail: mloukianov@gmail.com